

В 1973 г. группа работников предприятия, согласовав свои действия с секретарем ЦК КПСС Д.Ф. Устиновым, обратилась в ЦК и Министерство общего машиностроения с письмом, в котором говорилось о неудовлетворительном руководстве В.П. Мишина и содержалась просьба о замене. В итоге это предопределило решение об освобождении главного конструктора от занимаемой должности в мае 1974 г.

После увольнения В.П. Мишин перешел на постоянную работу в МАИ, где заведовал кафедрой проектирования и конструкции летательных аппаратов, созданной им в 1959 г. и возглавлявшейся более 30 лет со дня основания.

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, кавалер орденов Красной Звезды, трех орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, доктор технических наук, профессор, лауреат премии АН СССР, премии РАН имени Ф.А. Цандера, почетный член Академии космонавтики имени К.Э. Циолковского, действительный член Академии инженерных наук, академик Общественной академии знаний России, действительный член Международной академии астронавтики, заслуженный изобретатель РСФСР – таких наград и званий на протяжении жизни был удостоен В.П. Мишин, однако в истории космонавтики его личность вызывает споры и разногласия. Так, например, в течение длительного периода времени о лунной программе Н1-Л3 и о ее руководителе нельзя было найти каких-либо упоминаний. При переводе на русский язык издания К. Гэтланда «Космическая техника: Иллюстрированная Энциклопедия» (М., Мир, 1986 г.) на месте фотографии Н-1, опубликованной в американском издании, было пустое место.

Только в 1990-х гг. отношение к конструктору постепенно стало меняться, начали публиковаться интервью с В.П. Мишиным, некоторые его книги. В 2013 г. из печати вышла книга «Записки ракетчика» с воспоминаниями и отдельными материалами из архива В.П. Мишина, в 2014 г., как упоминалось выше, «Дневники. Записи и воспоминания». Дальнейшее комплектование фонда академика в Архиве РАН, его изучение и научное описание позволят получить новый комплекс материалов о различных аспектах его жизни, научных исследованиях и деятельности, а также в целом об истории развития космонавтики; под новым углом взглянуть на многие проблемы, в первую очередь связанные с негативным восприятием В.П. Мишина.

Д.В. Сень (Ростов-на-Дону)

Сфрагистический материал по истории казачьих сообществ Крымского ханства (конец XVII в. – XVIII в.)

Печати относятся к числу ценных исторических источников, отражающих документирование деятельности разных казачьих сообществ (Войск). Среди актуальных вопросов этой масштабной темы следующие: становление и развитие казачьих потестарных структур, правовой культуры казачества, войскового делопроизводства, войсковых канцелярий и канцелярских традиций (включая действия профессионалов – войсковых дьяков, писарей, по составлению/ удостоверению/ хранению войсковых документов), видовой состав документов, исходивших от имени Войска (его структур), и сфера их применения; развитие формуляра войсковых документов. Сфрагистический материал особенно активно используется специалистами по истории Войска Запорожского Низового и Черноморского (Кубанского) казачьего

войска. Отдельные аспекты заявленной темы освещались в других опубликованных работах (Сень Д.В., 2002, 2010, 2011, 2013).

В случае с казаками Крымского ханства (Кубани), проживавшими в регионе, начиная с рубежа 1680-х – 1690-х гг. по конец 1770-х гг., ситуация обстоит иначе. Сфрагистический материал крайне редко (Боук Б., 2001) привлекался учеными при анализе таких важных процессов, как складывание у кубанских казаков-старообрядцев, выходцев с Дона, войсковой организации (включая проблему названия Войска); отношения казаков с правящими крымскими ханами и их документирование; преемственность обычаев удостоверения войсковых документов – в Войске Донском XVII в. по отношению к Кубанскому (ханскому) казачьему войску, или традиций в этом последнем Войске по отношению к позднейшим казакам-некрасовцам. Внутри последней научной проблемы выделяется другая, важная и неизученная – сравнительный анализ иконографии войсковой печати донских, кубанских казаков и позднейших казаков-некрасовцев. Заметим при этом, что современная наука, по сравнению с дореволюционной, почти не обогатила наши знания об истории печати Войска Донского.

Сегодня нам неизвестны сохранившиеся печати Кубанского (ханского) казачьего войска, первых («старых») кубанских казаков и позднейших казаков-некрасовцев. Однако Б. Боуком и нами обнаружены письменные свидетельства о таких печатях и оттиски печатей, вероятно, с разных матриц, принадлежавших общине казаков-некрасовцев в Османской империи (с. Эски-Казаклар). Первое свидетельство относится к 1709 г.: печать удостоверяла войсковую грамоту кубанских казаков, адресованную хану Девлет-Гирею II. Ее корроборация выглядит следующим образом: «К сей войсковой грамоте наша войсковая печать приложена» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 3 об.). Оригинал грамоты и сама печать не сохранились, о содержании грамоты известно из списка, сделанного в Посольском приказе. Известие указывает на то, что печать была прикладной (как у донских казаков), сведения о ее иконографии отсутствуют.

Содержащаяся в списке грамоты информация о войске носит принципиальный характер. Она имеет отношение к новейшей дискуссии (Б. Боук, Д.В. Сень, О.Г. Усенко) о времени формирования у казаков Кубани войсковой организации, об этапах и особенностях объединительного процесса среди казачьих групп Кубани, а также о формировании у казаков новой, нежели на Дону, коллективной войсковой идентичности. Перед нами – единственный сегодня образец сохранившегося актового материала, исходившего от кубанских казаков в т.н. «донекрасовский период» их прошлого. Можно полагать, что печать неоднократно использовалась казаками при удостоверении других документов, в т.ч. адресованных ханам (известны случаи подачи казаками челобитных и пр.). Казаки Кубани также вступали в письменные сношения с другими казачьими сообществами (в т.ч. с Войском Донским), что также могло сопровождаться приложением войсковой печати.

Исследуя вопрос об использовании войсковой печати, необходимо анализировать поводы и причины создания документов, исходивших от казаков и удостоверявшихся печатью, состав таких документов, а также попытаться разобраться в том, какие документы возникали в ответ на них. Сфрагистический материал, исходивший из ханской канцелярии, имеет особенное значение при обращении к прошлому кубанских казаков и заслуживает отдельного исследовательского внимания. К примеру, речь идет об иммунитетном

указе крымского хана Девлет-Гирея II, кубанским казакам (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 2 об.–3). Решение вопроса о датировке указа (в копии которого, скорее всего, ошибочно указана дата «1704 году марта в 23 день») поможет более детально изучить вопросы о политике Гиреев по отношению к казакам, новым подданным крымских ханов для ситуации рубежа XVII–XVIII вв., а также о преемственности такой политики и ее новых чертах.

Оттиски печатей, сделанных с разных матриц и принадлежавших казак-некрасовцам в Османской империи, были обнаружены нами в двух архивах – Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1902–1914 гг. Д. 4955. Л. 5 об., 7, 83; Там же. 1909–1914 гг. Д. 4962. Л. 6, 73) и в научном архиве Ростовского областного музея краеведения (НА РОМК. Ф. 2. Оп. 15. КП №1072/4). Печати круглой формы, прикладные, имеют сложную иконографическую композицию, сочетающую в себе изобразительные и графические элементы. Основу изображения составляет парусное судно, символику которого еще недавно мы связывали с «кораблем Игната», присутствующим в некрасовском фольклоре. Вероятно, здесь могут быть предложены иные интерпретации, если признать фольклор казаков-некрасовцев поздним явлением по отношению к периоду их пребывания на Кубани. «Московский» вариант казачьей печати выглядит более грубым и схематичным, нежели «ростовский», который бытовал позднее. Круговая легенда печати представлена текстом исключительной важности: «Войска Кубанского Игнатов Кавказскаго». Полагаем, на Кубани у казаков существовала аналогичная войсковая печать, но изначально, возможно, с иной легендой и изображением. Анализ легенды этих печатей подтверждает существование у казаков Кубани войсковой организации, прошедшей в своем становлении и развитии несколько этапов. В ряде случаев именно сфрагистический материал заполняет те лакуны научного знания, которые (пока?) не в состоянии заполнить данные других исторических источников.

К.Т. Сергазина (Москва)

Материалы допросов по делу о распространении «квакерской ереси» в Москве как исторический источник

В фонде Священного Синода Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 80; РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 101; РГИА. Ф. 796. Оп. 27. Д. 41) и в фондах двух раскольнических комиссий Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 301–302) содержится корпус материалов, посвященных зарождению в Москве нового религиозного движения. В документах 1733 года оно названо «квакерской ересью» (поскольку в расспросных речах говорится в том числе о схождении Святого Духа на пророков), позднее стало известно как христовщина, или хлыстовство.

В состав этого корпуса материалов входит так называемое Угличское дело 1717 г., вошедшее в состав дела 1733 г., и посвященное деятельности Прокопия Лупкина, одного из первых известных московских учителей христовщины и его проповеди в Москве, в Нижнем Новгороде и на знаменитой Онуфриевской ярмарке, расспросы москвичей, подозреваемых в принадлежности к расколу, по «присланным из Синода пунктам», материалы допросов монахов Учминского монастыря (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Мо-